

Нина Лаврентьева

Эффект петроглифа

Нина Лаврентьева
Эффект петроглифа

«Автор»

2026

Лаврентьева Н.

Эффект петроглифа / Н. Лаврентьева — «Автор», 2026

В мире, где звезды гаснут одна за другой, а Вселенная "сворачивается как свиток", человечество отчаянно ищет путь к спасению. Эмбриолог Марина возвращает к жизни исчезнувшие виды, а ее муж Игорь пытается разгадать тайну древних петроглифов на берегах Амура. Майкл исследует океан Европы, спутника Юпитера, только его находка совсем не похожа на одноклеточную водоросль. Каждый следует зову сердца, но никто не подозревает, что их выбор - лишь часть грандиозного космического парадокса.

© Лаврентьева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эффект петроглифа	5
Глава 1. Марина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Нина Лаврентьева

Эффект петроглифа

Эффект петроглифа

Глава 1. Марина

Представьте себе большую реку, чьи берега помнят великое таяние ледников. Она изви-вается между хребтами, лесными массивами и петляет по просторам степи. Из космоса она похожа на танец техасских полозов. Белая и гладкая. Правда, если спуститься ниже, окажется, что на самом деле она цвета какао. И это не единственный сюрприз. Если подойти к самой кромке воды, на базальтовых валунах можно увидеть рисунки. Возможно, колесницами и оле-нями сложно удивить археологов, но мимо личин пройти невозможно. У них огромные пустые глаза и странные ореолы вокруг голов. Древние люди выбивали их тысячи лет назад, не зная, что вкладывают в эти линии код собственного спасения.

Говорят, петроглифы использовались в инициациях и ритуалах, чтобы задобрить духов. Говорят, по силуэтам в камне можно изучать мифы народов и развитость их цивилизации. Говорят, наскальная живопись — это первая форма фиксации информации, заложившая основу письменной речи. Только какими должны быть разум существа, физическая сила и инструменты, чтобы навечно запечатлеть на скалах своё Слово? Слово за жизнь.

31 год до Распада

— ТЫ МНЕ ИЗМЕНЯЕШЬ! — голос Марины сорвался, она закашлялась и замахала руками, чтобы Игорь молчал. — Я да-давно по-почувствовала. Это в каждом твоём взгляде, в том, как ты замираешь над этими чёртовыми снимками.

Муж скрестил руки на груди и откатился на кресле от монитора с интерактивным голо-графическим дисплеем, перед которым мерцали трёхмерные модели — серые, угловатые фигуры на фоне выжженной высокогорной степи.

— Ты о чём?

— Думаешь, я не замечаю, как ты пялишься на этих баб? — Марина ткнула пальцем. Будь она ближе, ноготь бы распорол изображение и вонзился в экран. — Ты, как маньяк, тря-сёшься над каждой фотографией и отслеживаешь новые находки. Вопишь от восторга, когда твой «помогатор» создаёт очередную визуализацию их каменных бёдер!

— Это моя работа!

— Это твоя сублимация! — Марина развернулась к зеркальной двери шкафа и стала вытирать поплывшую тушь под глазами. — Ты рассматриваешь выбитые в базальте рисунки с большим интересом, чем меня! Когда последний раз ты обращал внимание на мою причёску или макияж? Я вот тоже не припомню. Но вчера весь день твердил о каких-то грибах на головах своих богинь плодородия.

— Ты несёшь чушь, — Игорь поднялся с кресла и сжал её плечи. — Ревнуешь к камням. Самой не смешно? Ты учёный, эмбриолог, каждый день видишь чудо зарождения жизни под микроскопом! Должна же понимать тягу к поиску истоков.

— В том-то и дело, — Марина попыталась стряхнуть руки мужа, но тот держал крепко, — я работаю с живыми клетками. Создаю будущее в чашке Петри, пока ты копаешься на клад-бище символов! Мои пациенты мечтают о ребёнке, а ты о «палеолитической Венере» с Амура. Ты променял живое тепло на холодный булыжник.

— Это не просто булжники! Это послание из прошлого, осталось только его расшифровать. — Игорь склонился к самому её уху и горячо зашептал, — Я пытаюсь понять, кто мы и откуда. Иногда мне кажется, что если у меня не получится, я потеряю тебя.

— Хватит мне мозги пудрить! — Марина вырвалась и распахнул шкаф, отгораживаясь дверцей. На диван полетели атласные блузки и бельё. — Если бы боялся потерять, то поехал бы со мной в Питер. Я же говорила, что там проходит важнейший симпозиум по репродуктологии. Купила билеты нам обоим. Могли бы погулять по набережным, сходить в Мариинку, просто... просто побыть вместе в нормальной постели, а не в твоих палатках или тут под жужжание бесконечной аналитической машины.

— Я не могу отменить экспедицию! Группа ждёт. Вертолёт зафрахтован.

— Значит, уже решено? Хабаровский край? На эти твои Сикачи-Алян? — Марина замерла с юбкой в руках.

— Я уже объяснил, нашли новый пласт, — муж вздохнул, — под слоем ила из-за обмеления. Вода может подняться в любой момент и скрыть всё на десятилетия. Там уникальные петроглифы, такого типа ещё не было в каталогах. Это неолитическая революция!

Марина посмотрела на него так, словно видела впервые: обветренное лицо показалось неприятно шершавым, а футболка, которую она сама ему когда-то подарила, — застиранной. И почему он до сих пор не выкинул эту ветошь? Она медленно подошла к столу, где лежали фотографии находок — грубо высеченные в камне женские лица с огромными глазами и странными головными уборами.

— Знаешь, в чём ирония? — прошептала она. — Ты едешь за тысячи километров, чтобы восхищаться тем, как древний дикарь боготворил женщину. А когда перед тобой стою я из плоти и крови, ты видишь во мне только помеху своей «великой миссии».

— Марин...

— Хватит. У меня завтра самолёт в восемь утра. Можешь не провожать.

Зал заседаний в «Экспофоруме» замер. Марина знала, что под прицелом софитов выглядит бледной и испуганной. Она до сих пор не могла успокоиться после разрыва с мужем. Но за спиной на огромном экране пульсировала 3D-модель сложной системы трубок и резервуаров — прототип автономного биореактора. Аудитория ждала доклад.

— Коллеги, мы привыкли считать матку единственным и незаменимым сосудом для жизни, — голос сначала робкий, зазвучал твёрже. — Однако наши последние успехи в редактировании плюрипотентных стволовых клеток ближайших родственников вымерших видов доказывают обратное.

На экране сменился слайд: кадры из лаборатории, макрофото крохотного зародыша и уже крупного плода, в котором отчётливо прослеживался знакомый контур: широкие тупые лапы, огромная голова и длинный хобот.

— Используя генетический материал азиатского слона, мы успешно интегрировали ключевые локусы генома мамонта, а в дюгоня ввели ДНК стеллеровой коровы. Но главной проблемой всегда была имплантация. Ткани современных суррогатных матерей отвергали химерные эмбрионы. Решение пришло вместе с технологией EctoLife. В условиях рукотворной матки, где гомеостаз поддерживается Искусственным Интеллектом, мы не просто выращиваем ткани — мы воссоздаём экосистему. Стеллерова корова, исчезнувшая триста лет назад, снова дышит в нашей камере созревания. А маленького мамонтёнка мы уже отправили в экспериментальный Плейстоценовый парк в Якутии.

В зале послышался ропот. Марина выдержала паузу и перешла к главной части, ради которой затеяла этот доклад:

— Не буду уходить в сторону, объясняя значение таких экосистем для климата планеты. Перейдём к сути. Если мы можем вернуть к жизни виды, стёртые временем, почему мы поз-

воляем исчезать тем, кто только пытается появиться на свет? — Она обвела зал взглядом. — В криобанках мира хранятся сотни тысяч «забытых» эмбрионов. Родители отказались от них после успешного ЭКО, доноры скончались, юридические сроки вышли. Закон считает это биологическим мусором. Биология — генетическим материалом. Но с точки зрения морали — это человек на стадии раннего развития.

Марина вывела на экран статистику утилизации эмбрионов.

— Оплодотворённая яйцеклетка уже обладает душой и безусловным правом на жизнь. Мой проект предлагает не утилизацию, а перенос в искусственные матки для полноценного вынашивания. Мы можем дать им шанс родиться, стать членами общества, обрести семьи. Технологии больше не ограничивают нас. Мы сами создаём рамки из своих страхов и эгоизма. Эмбрионы не могут сами за себя попросить. Поэтому я прошу за них. Это моё слово за жизнь ещё нерожденных детей. Они имеют на неё право.

Марина успела насчитать десять ударов сердца, прежде чем тишина в зале взорвалась шквалом аплодисментов и яростных споров. Даже если сегодня большинство не проголосует за проект, все новостные колонки будут про искусственную матку. Это скандал.

Марина шла вдоль канала Грибоедова, кутаясь в лёгкий тренч. Каблуки то и дело попадали в щели между неровными плитами. Возвращаться в пустой гостиничный номер не хотелось, и она продолжала идти несмотря на гудящие ноги. Огни фонарей дрожали в тёмной, маслянистой воде, но Марина смотрела словно сквозь них и видела блеск далёких звёзд, ленивые волны Амура и языки костра. Она представляла, как муж пытается заснуть в палатке под крики ночных птиц. Хотя какой сон? Наверняка он уже встречает рассвет с фотоаппаратом, чтобы успеть запечатлеть петроглифы под косыми солнечными лучами. А ведь мог идти рядом, поддерживать под руку, увлекать в тени мостов для поцелуя...

— Блестящий доклад, Марина Александровна!

Мужчина возник у чугунного парапета так неожиданно, что Марина чуть не налетела на него. Строгий костюм, волосы поблёскивают сединой.

— Вы из комитета по этике? Или из прессы?

Незнакомец не представился, лишь протянул пластиковую карту с адресом и номером телефона.

— Мои возможности гораздо шире, чем гранты министерства здравоохранения. У нас есть ресурсы, чтобы реализовать ваш проект в обход бюрократии и морализаторства. Мы можем создать «Инкубатор Жизни» там, где закон ещё не успел провести свои границы. Вам ведь не хватает именно этого — свободы от чужих страхов?

— Но почему я должна вам верить?

— Потому что вы не хотите просто читать доклады, вам надо увидеть, как ваши «забытые дети» сделают первый вдох. А я могу в этом помочь.

Мужчина слегка кивнул и, не дожидаясь ответа, поспешил к чёрной машине на противоположной стороне улицы. Марина перевернула карточку. На обратной стороне был лишь логотип: шестерёнка в треугольнике. После нелепых баек о внеземном происхождении человечества, которые травил археологи, ей не хватало только тайных обществ и заговора мирового правительства.

Этой ночью Марина опять плохо спала, она вела бесконечный мысленный спор с Игорем. Уговаривала. Доказывала. Обвиняла. А утром сдала обратный билет и уже в девять ноль-ноль стояла перед зданием с большими панорамными окнами и красной надписью: АО «Заслон». Пока муж копается в прошлом, она займётся будущим.

30 лет до Распада

Лабораторный корпус на Петроградской стороне мало походил на уютные клиники репродукции. Блок «Альфа» расположился на цокольном этаже, но матовые стёкла не давали возможности посмотреть, что происходит на улице. Вечный дневной свет светодиодных ламп и оседающий на коже странный запах аммиака и вяленой рыбы стали её ежедневными спутниками.

В прозрачных полимерных мешках, подвешенных в биореакторах, пульсировали плоды свиней и кур. Сложная система трубок имитировала пуповину, подавая обогащённую кислородом кровь и питательную смесь. Цыплята плавали в синтетическом амнионе без скорлупы, и через тонкую плёнку было видно, как бьются их крошечные сердца. Эксперимент с животными подходил к концу, а в криохранилище уже ждала своего часа первая партия тех самых «забытых» контейнеров.

Марина проверяла показатели датчиков, когда за спиной послышался сухой кашель.

— Марина Александровна, уровень азота в четвёртом секторе упал ниже критического, — дежурный лаборант отводил взгляд и тер ботинком белый кафель, будто там могла быть какая-то грязь. — Насосы перенаправлены в блок «Омега».

— Опять Лосев?

— У него там петля захвата. Говорит, если не охладить детекторы сейчас, он упустит тахионный след. Весь жидкий азот предприятия уходит в установку Лосева.

— Тахионы, — прошипела Марина. — Он гоняется за призрачными частицами, пока здесь умирают живые существа!

Она бросилась к холодильным камерам контрольной группы. Там, в специальных контейнерах, хранились тысячи куриных эмбрионов — база для калибровки питательной среды перед тем, как Марина осмелится поместить в реактор человеческий зародыш. Датчики на камерах горели красным. Температура внутри поднялась до комнатной.

Марина не помнила, как оказалась на третьем этаже. Очнулась уже перед переговорной, где проходила утренняя летучка. Датчик отсканировал сетчатку глаза, и автоматические двери бесшумно разъехались в стороны.

Василий Лосев, худощавый мужчина лет тридцати, но уже с залысинами на висках, чертил на интерактивной доске графики:

— Поймите, если мы научимся управлять тахионным потоком, то снимем с космических двигателей ограничение на сверхсветовую скорость! Наша команда занимается отладкой магнитных ловушек. Ещё пара недель приоритетного снабжения жидким азотом, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.